

ТАЙНА ЧЁРНОГО КАРУСЕЛЯ

Приключения Веселундиш

Андрей Добрый

Книга, в которой город учится петь заново

Андрей Добрый

Тайна Чёрного Каруселя

«Автор»

2026

Добрый А.

Тайна Чёрного Каруселя / А. Добрый — «Автор», 2026

Веселундия — волшебный город, где дома из пряников, а река течёт вспять по субботам. Но однажды город онемел. Исчезли смех, музыка, мечты — даже шёпот ветра. Джо-Джо Весельчак, мальчик с веснушкой-нотой на щеке, отправляется на поиски четырёх украденных Голосов. Вместе с верными друзьями — гениальной изобретательницей Гизмо, трусливым привидением Пусиком, ворчливым гномом Ворчуном и псом-сыщиком Бубликом — он проходит через Шепчущий Лес, Город фальшивых улыбок и Дом Теней. Но самое сложное испытание ждёт его внутри: чтобы спасти город, Джо-Джо должен вспомнить, кто он на самом деле. История о голосе, который нельзя украсть — можно только отдать. И о том, что иногда самый тихий голос оказывается самым сильным.

© Добрый А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог: Город, который онемел	6
Глава 1. Сборы	9
Г	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Андрей Добрый

Тайна Чёрного Каруселя

Глава

«Сказка — это не то, что происходит вокруг, а то, что происходит внутри» (Клайв С. Льюис).

Пролог: Город, который онемел

Джо-Джо проснулся оттого, что в комнате было слишком тихо, и некоторое время просто лежал, глядя в потолок из прозрачной глазури. Комната находилась на самом верху дома-рожка, прямо под облупившейся вишенкой, которая висела так криво, что каждое утро Джо-Джо ждал: вот сейчас упадёт. Она не падала уже много лет, но ждать всё равно было интересно.

На подоконнике, свернувшись, дремал Толстяк — серый камень размером с кулак, по форме напоминающий сидящего кота, с двумя жёлтыми кристалликами вместо глаз, вставленными кое-как, один выше другого. Джо-Джо давно подозревал, что Толстяк живой, просто ужасно ленивый: иногда, когда никто не смотрел, камень приоткрывал тот глаз, что повыше, и во взгляде читалось «я всё вижу, но мне лень, я камень». А по ночам он время от времени скатывался с подоконника и плюхался на пол с глухим стуком, от которого Джо-Джо просыпался, — и тут же делал вид, будто это вовсе не он.

Джо-Джо сел на кровати и на всякий случай пощёлкал пальцами возле уха — щелчки были. Хлопнул в ладоши — хлопок тоже был, значит, со слухом всё в порядке. И всё же в комнате стояла такая тишина, что собственное дыхание казалось слишком громким, будто он кричал в пустой шкаф.

Он подошёл к окну, распахнул его и высунулся наружу; Толстяк на миг приоткрыл глаз, покосился на него и снова закрыл. Внизу лежала Веселундия, яркая и пряничная: крыши-печенья блестели утренней глазурью, разноцветная брусчатка — оранжевая, мятная, лимонная — переливалась на солнце, на башне Ворчуна поскрипывал флюгер, и вдалеке блестела река Вираз.

Но город молчал.

Конфетные синицы, которые в это время обычно уже устраивали концерт на ветках шоколадного дуба, сидели нахохлившись и не пели вовсе. Фонтан Сюрпризов на главной площади не звенел — вода в нём стояла мутная, серовато-бурая, и по её поверхности плавал одинокий бумажный кораблик. Даже река Вираз, которая всегда булькала и сопротивлялась, даже когда меняла направление по субботам, теперь молчала: Джо-Джо слышал только собственное дыхание да скрип половицы под ногами. А на крыше почтовой конторы сидел почтальон Мятлик, который обычно громко спорил с голубями, кто из них быстрее разносит письма, — теперь он тоже молчал, и голуби нахохлились на карнизах, точно старые подушки.

— Очень странно, — сказал Джо-Джо вслух, и голос прозвучал так громко, что он сам вздрогнул.

Он натянул вчерашнюю футболку с надписью «Я не сплю, я медитирую», кое-как вывернул обратно штанину, вывернутую наизнанку, и поправил кепку-вертолёт. Та сидела криво из-за синей изоленды на одной лопасти — вторая тоже упрямо норовила отвалиться, но он решил не спорить с ней с самого утра. Сунул Толстяка в карман и сбежал вниз по лестнице, перепрыгивая через третью ступеньку, которую давно уже привык бояться за её особенно противный скрип.

На кухне пахло остывшим чаем. Мама сидела за столом, обхватив ладонями кружку, и смотрела в окно, а по поверхности чая уже затянулась плёнка — значит, заварили его вовсе не только-что.

— Мам? — позвал он.

Она не обернулась.

— Мам, ты меня слышишь? Что-то случилось?

Тогда она медленно повернула голову, но взгляд у неё был скользящий, будто она смотрела не на сына, а сквозь него, на стену позади.

—А, Джо-Джо. Ты уже встал, — сказала она, и это прозвучало не как вопрос, а просто как факт. — Небо синее. А чай остыл. Ну надо же.

Джо-Джо потоптался на месте, сунул руки в карманы, потом вынул обратно. Обычно в это время мама уже напевала что-то себе под нос и возилась с оладьями — у неё они всегда получались кривые, с подгорелыми боками, но необыкновенно вкусные. Она спрашивала, какие у него планы на день, и не забыл ли он покормить Тихона, хотя Тихон был всего-навсего будильником и ничего не ел.

— Слушай, мам, — Джо-Джо взял со стола ложку и покрутил её в пальцах. — Помнишь ту шутку про будильник, который проспал на работу? Ты тогда так смеялась, что пролила чай на скатерть, и мы полдня её оттирали, а ты говорила: «Смех — лучшее моющее средство».

Мама смотрела в окно, и пальцы её едва заметно дрогнули на кружке.

— Мам?

— Я занята, Джо-Джо. Иди поиграй.

Она сидела совершенно неподвижно и была, судя по всему, ужасно занята этой неподвижностью. Джо-Джо положил ложку на место, тихо вышел и придержал дверь рукой, чтобы та закрылась беззвучно.

На Главной площади было пусто, а ведь обычно здесь с самого утра носились дети и прыгали по музыкальным плиткам — одна из них мяукала, другая квакала, а третья вежливо говорила «извините». Малыши ловили ртом конфетти у Фонтана Сюрпризов, торговцы перекликались через улицу, а дядя Гудок сидел со своей гармошкой, которая пела сама по себе, стоило ему просто взять её в руки. Теперь площадь стояла пустая. Смехомер — большая круглая штука на столбе, похожая на циферблат, — застыл на нуле, и когда Джо-Джо пнул его ногой, стрелка даже не дрогнула.

В окнах домов мелькали силуэты — люди были дома, просто никто не выходил. Собака у булочной «Сдобный рай» лежала на ступеньках, уронив морду на лапы, и хвост её не двигался. На асфальте валялась красная карамелька в мятом фантике; Джо-Джо машинально потянулся за ней, но вспомнил, как мама ругала его за еду с земли, и бросил обратно.

Он подошёл к Фонтану Сюрпризов. Вода в нём стояла неподвижная, конфетти на дне потемнело и слиплось в грязную массу. Джо-Джо опустил руку в воду — холодная, неприятная — и вытер о штаны, но липкий холод так и остался на пальцах.

Он сел на каменный бортик и достал из кармана Тихона. Будильник был тёплый — грелся от тела — потёртый, с трещиной на циферблате: она появилась два года назад, когда Джо-Джо уронил его, пытаясь показать фокус с исчезающей монетой. Монета так и не исчезла, зато исчезла целостность циферблата, и с тех пор одна стрелка застряла на трёх часах, вторая медленно ползла по кругу, а третья то и дело нервно вздрагивала. Ключик сбоку был ржавый и погнутый, но всё ещё работал.

Тихона подарила мама, когда Джо-Джо боялся спать один и часто просыпался среди ночи, — тогда ему казалось, что весь город вымер, пока он спал.

— Если страшно, заведи Тихона, — сказала она в тот вечер, вкладывая тяжёлый будильник в его ладошки. — Он будет тикать, и ты услышишь: время идёт, ночь проходит. Тихон с тобой — значит, я рядом.

Джо-Джо покрутил ключик, и Тихон задрожал, затикал неровно, с перебоями — тик-так... тик... пауза... так, — а потом заиграл мелодию: три ноты, снова и снова, мамину песенку, названия которой Джо-Джо так и не узнал, но которую она напевала, укладывая его спать.

Он зажмурился и прижал будильник ко лбу, так что металлический край больно надавил на кожу. Тихон тикал; мелодия закончилась, и остался только глухой, сиплый тик-так.

— Что случилось, Тихон? — спросил он шёпотом.

Будильник не ответил.

Когда Джо-Джо открыл глаза, у его ног лежал чёрный билет.

Он огляделся — на площади по-прежнему никого, ни ветерка, и листья на шоколадном дубе даже не шелохнулись. Билет лежал прямо на брусчатке, словно его только что кто-то уронил — а может, он лежал тут всегда, просто раньше Джо-Джо его не замечал.

Он поднял билет. Бумага была шершавой, плотной и слишком холодной для того, чтобы столько времени пролежать на солнце. Пахла она мокрым пеплом — так пахнет старая зола в печи, куда однажды зимой заглянул Джо-Джо, — и ещё сырыми листьями под снегом. На чёрном фоне белыми выцветшими буквами было напечатано:

«ЧЁРНЫЙ КАРУСЕЛЬ»

«Приходи один. Полночь.»

Джо-Джо перевернул билет, но на обратной стороне не было ничего, кроме влажного пятна. Он сжал бумагу в кулаке, и она хрустнула.

Чёрный Карусель — заброшенный парк за рекой Вираз — закрыли то ли двадцать лет назад, то ли двести: взрослые вечно путались в датах. А когда речь заходила о том, что там случилось, отвечали только «туда не ходят», и таким тоном, что дальше расспрашивать не хотелось. Даже самые отчаянные хулиганы, которые без спроса лазали по чужим садам, обходили Чёрный Карусель стороной, а те немногие, кто всё же решался сунуться внутрь, возвращались бледными и никогда потом не рассказывали, что видели.

Поговаривали, что там живут Слуны, которые крадут голоса, воспоминания и сны, подкрадываясь тихо, пока ты один.

«Приходи один».

Джо-Джо посмотрел на свой дом вдалеке, на кухонное окно, за которым сидела мама, потом на билет в руке, потом на Тихона, который тикал спокойно, с перебоями. Он вполне мог развернуться, уйти домой, выбросить билет и спрятаться под одеялом, как в прошлом году, когда ему приснился страшный сон и мама просидела рядом до самого утра. Но мама больше не сидела рядом — она сидела у окна и смотрела в пустоту.

Он тронул левую щеку, там, где веснушки складывались в форму музыкальной ноты — мама говорила, что эта веснушка принадлежит только ему одному и никому больше, и что когда он смеётся по-настоящему, она немного щекочет. Как это работает, Джо-Джо так и не понял, но иногда и вправду щекотало, а иногда нет. Сейчас веснушка была совсем холодной.

Он поднялся, спрятал билет в карман рядом с Толстяком и прижал Тихона к груди.

— Ладно, — сказал он в пустоту. — Но я не пойду туда один. Ни за что!

Где-то далеко за рекой что-то медленно, ржаво скрипнуло — будто старая карусель, стоявшая столько лет без дела, вдруг сделала один-единственный оборот.

Джо-Джо поёжился, развернулся и зашагал прочь от фонтана, поправляя на ходу кепку.

Глава 1. Сборы

Мимо, вздрагивая на ветру, катилась пустая жестяная банка — раньше у каждой такой банки был свой голос: лимонные звенели повыше, апельсиновые гудели басом, — а теперь она просто дребезжала и закатывалась под скамейки. На одной из скамеек неподвижно сидела старушка с вязанием: спица так и застряла между двумя петлями.

Джо-Джо пинул банку, потом поднял её, повертел в руках и сунул в карман — вдруг пригодится; раньше он бы, наверное, пошутил, что теперь она будет петь только в опере, но сейчас шутить совсем не хотелось.

На углу Мятной и Карамельной он остановился, снова достал билет, повертел его и вдруг подумал: а может, это просто чей-то мусор, кто-то потерял странную бумажку? Он даже поднёс билет к урне, но заметил на обороте мелкие буквы: «Или не приходи. Тогда город навсегда останется немым». Вдохнул и убрал билет обратно в карман, рядом с Толстяком.

Дом-пряник, где жила Гизмо, стоял на углу и пах орехами и железом — странное сочетание, но здесь к нему все давно привыкли. Винтовая лестница скрипела. Джо-Джо поднимался медленно, без обычной спешки, а на пятой ступеньке кепка съехала на глаза — он тихо чертыхнулся и поправил отклеившуюся изоляцию. Та тут же отклеилась снова, и он оставил всё как есть.

Мастерская была открыта и пахла паяльником и старым хлебом. На столах громоздились шестерёнки, банки с разноцветными жидкостями и полусобранные механизмы — один, похожий на металлического паука, дёргал ножками. С потолка неподвижно свисала люстра из вилок, а на полу робот-пылесос с оторванным шлангом пытался засосать собственный провод и жалобно пищал.

Гизмо сидела за главным столом; очки с цветными линзами съехали набок, и она что-то паяла, хотя паяльник дымился без толку, тыкаясь жалом в пустой воздух. Рядом лежал раскрытый летающий зонт, который она чинила уже две недели: летать он отказывался, зато умел раскрываться в самый неподходящий момент — вчера, например, напугал почтальона Мятлика.

— Привет, Гиз!

Хвост с шестерёнками у неё за спиной дёрнулся, но головы она не подняла.

— Если ты про то, что город онемел — я уже заметила, — сказала она. — Когда будильник не зазвонил. Когда пылесос не зажужжал. Когда синица не прилетела ровно в семь утра, я специально проверяла время.

Она отложила паяльник и сняла очки — глаза у неё были красные, но, кажется, от усталости, а не от слёз.

— Вот, усилитель делала, — она кивнула на агрегат из динамиков и трубок, спиралью уходивший в потолок. — Думала, звук пробьёт тишину. Не работает. Тишина глотает звук. Включила на полную мощность, а он пискнул, как умирающий комар. Тихо и очень жалобно.

Джо-Джо вытащил билет и положил его на стол между шестерёнками и банкой с синей жидкостью. Гизмо взяла бумагу, повертела, понюхала — и поморщилась.

— Пахнет пеплом и сыростью. Откуда это у тебя?

— У фонтана нашёл, — сказал Джо-Джо. — Сидел на бортике, а он вдруг появился у моих ног. Из ниоткуда, представляешь? Там написано про Чёрный Карусель. И что я должен прийти один.

— Один? — бровь у неё поползла вверх, а линзы блеснули, отражая билет. — И ты соби-рался идти?

— Нет, конечно. Я что, сумасшедший? Поэтому я здесь.

Она хмыкнула, ничего не ответила и подошла к доске с картами; сняла одну, пожелтевшую, с ободранными краями.

— Я копалась в архивах и вот что нашла, смотри.

На карте было отмечено четыре места: Чёрный Карусель, лес без названия, город пунктиром и облака над рекой, а на полях стояла пометка: «Здесь начинаются».

— Начинаются что? Или кто?

— Не знаю, бумага стёрлась, — Гизмо пожала плечами. — Но в одной старой книге написано, что у города было четыре голоса — Смех, Музыка, Мечта и Правда. Их украли и спрятали там, где они боятся сами себя. Карусель — одно из этих мест.

— А кто украл?

— Книга старая, половина страниц вырвана, но там говорится о Слунах. Других подозреваемых у меня пока нет.

— Слуны же в парке живут, за рекой?

— И не только там, — она помолчала. — Иногда они прячутся в тени, иногда притворяются, что их вовсе нет, а иногда оказываются именно там, где их совсем не ждёшь. В книге сказано, что они ненавидят смех — обжигаются от него, как вампиры от солнца.

Джо-Джо снова посмотрел на карту, потом на билет, потом достал Тихона и поставил его на стол рядом — будильник затикал громче.

— Надо идти, — сказал он. — Всем вместе. Ты, я, Ворчун, Пусик, Бублик.

Гизмо усмехнулась.

— Ворчун? Он однажды полдня ругался на дождь, потому что капли падали не под тем углом. И ты думаешь, он согласится пойти с нами в Карусель?

— Попробую его уговорить.

— Ну удачи тебе.

В этот момент дверь с грохотом распахнулась, и на пороге появился сам гном Ворчун — борода всклокочена, а в ней запутались фантики и обрывок изолянт неизвестного происхождения. Из кармана его жилета торчала голова спящего котёнка Лирика, свесившего лапы.

— Я знал! — закричал Ворчун, тыча посохом в пол. — Борода дёргалась с самого утра, а когда она дёргается, значит, кто-то затевает глупости! Угадайте с трёх раз, кто этот затеватель?

— Мы идём в Чёрный Карусель, — выпалил Джо-Джо.

— Не угадал, потому что я и так знал! Ты хочешь сунуться к Слунам! Они крадут голоса! Они тебя съедят, если у них вообще есть рты, а у них их, скорее всего, нет, но это ещё не значит...

Он запнулся, потому что Лирик проснулся, зевнул, показал розовый язык и снова уснул. Ворчун перевёл взгляд с котёнка на карту, а потом на Джо-Джо.

— Ты, случайно, не один туда собрался? — спросил он уже потише. — Или опять на крышу полезешь, как тогда с воздушным змеем?

— Я хочу, чтобы пошли все, — сказал Джо-Джо. — Гизмо разбирается в механизмах. Ты знаешь про Слунов. Пусик умеет становиться невидимым. А Бублик...

— А я? — спросил кто-то из угла.

Все обернулись. Из-за стопки книг высунулся Пусик — полупрозрачное привидение, с шарфом из лунного света, который всё это время сидел там незамеченным.

— Я тоже хочу пойти. Если можно. Если не помешаю.

— Не помешаешь, — сказала Гизмо, и Пусик, довольный, кивнул и снова стал почти невидимым.

— А Бублик где? — спросил Джо-Джо.

— Я здесь! — В дверях появилась такса в галстук-косточке и шляпе Шерлока Холмса, спотрёпанным старым ботинком в зубах. Бублик положил ботинок на стол и коротко гавкнул. — Следы! Я всё принимался! Пахнет заговором! Шёл от самой площади, там пахло странно,

а потом — этим, — он ткнул носом в билет. — Подозрительно пахнет. Белки бы так не пахли. Или пахли? Нет, не пахли. Может, кошки. Или фонари. Но белок я не отвергаю! Никогда!

— Бублик, — терпеливо сказал Джо-Джо, — это Слуны. Они украли голоса города, и мы идём в Чёрный Карусель, чтобы их вернуть.

— Слуны? — Бублик наострил уши. — А они пахнут белками?

— Нет.

— Тогда не уверен насчёт них. Но если они враги — я с вами.

Он сел прямо на пол и принялся грызть ботинок.

Ворчун обвёл взглядом всю компанию — Гизмо с её очками и обугленным зонтом, снова ставшего прозрачным Пусика, увлечённо жующего ботинок Бублика и, наконец, самого Джо-Джо, который смотрел на него с надеждой.

— Цирк, — проворчал он. — Настоящий цирк, а я слишком стар для цирка.

Он развернулся и вышел, хлопнув дверью.

Наступила тишина.

— Вот и сходили, — вздохнула Гизмо.

Джо-Джо промолчал. Он смотрел то на закрытую дверь, то на карту, то на билет, а Тихон в кармане мерно тикал.

Помолчал, потом сказал: — Он вернётся.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он всегда возвращается. Даже когда говорит, что ни за что не вернётся.

Он подошёл к двери и приоткрыл её. Коридор был пуст, но у самого порога лежал старый свиток, перевязанный бечёвкой. Джо-Джо поднял его и развернул — это оказалась та же карта, что и у Гизмо, только с пометками на полях: «Здесь не ходить — Слуны», «Здесь опасно — смех не спасает». А внизу, под Чёрным Каруселем, было написано: «Если ты это читаешь — значит, я всё-таки решился. Идиоты. Я с вами».

Он поднял голову — в дверях стоял Ворчун и смотрел в пол.

— Это моя старая карта, — сказал он тихо. — Ходил туда сорок лет назад. Голоса не нашёл, но дорогу помню. Если пойдёте, то хотя бы пойдёте правильно. Хотя всё это, конечно, глупость несусветная.

Он помолчал; Лирик высунулся из кармана и лизнул его в подбородок, и Ворчун негромко шмыгнул носом.

— Ладно. Но если нас сожрут, я потом обязательно скажу «а я предупреждал».

Он вошёл, сел на табуретку у стены и отвернулся к окну, но все заметили, как крепко он прижимает к груди мурлычущего Лирика.

Джо-Джо ничего не сказал, только оглядел всю компанию.

— Завтра на рассвете, — сказал он после паузы. — У реки Вираз.

Выходя на лестницу, он едва не споткнулся, кепка опять съехала и, поправляя её, почувствовал, как в кармане перекатился Толстяк — тёплый, как только что вынутая из печи булка.

Он вышел на улицу. Даже вывеска булочной не скрипнула ему вслед — только его собственные шаги стучали по брусчатке, которая больше не пела, да Тихон тихо тикал в кармане: тик-так, тик-так.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.